

„аще кто пустит жену свою, развие словеси прелюбодейнаго, и **женится** иною, прелюбы творит“. Сеи же блаженный князь Петр по евангельскому словеси сотвори: одръжание свое, яко уметы вмени, да заповеди божия не раздрушит.

IV

Они же злочестивии боляре даша им суды на реке, — бяше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же пловуще по реке в судех. Некто же бе человек у блаженных княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне **бяше**. Той же человек, прием помысл от лукаваго беса, возрев на святую с помыслом. Она же, разумеv злыи его помысл, вскоре обличи. Рече ему: „Почерпи убо воды из реки сия с сю страну судна сего“. Он же почерпе. И повеле ему пити. Он же пит. **И** рече же паки она: „Почерпи убо воды з другую страну судна сего“. Он же почерпе. И повеле ему паки пити. Он же пит. Она же рече ему: „Равна ли убо вода сия, или едина **слаждши**?“ Он же рече **ей**: „Единая есть, госпоже, вода“. *Блаженная* же рече сице: „И едино есть естество женское. Почто убо свою жену оставя, чюжия мыслиши!“ Той же человек, уведа, яко в ней прозрения дар, бояся к тому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брезе. Блаженный же князь Петр **нача** помышляти: „Како се будет, понеже волею самодержавства гонъзнув“. Предивная же княгини Феврония глагола ему: „Не скорби, княже, милостивый бог, творец и промысленик всему, не оставит нас сырых в нищете быти“.

На брезе же том блаженному князю Петру на вечерю ядь готовляху. **И** подтче повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечера же святая Феврония ходяще по берегу и видеvше древца тыя, благослови, **рекше**: „Да будут сия на утрие древця велико, имущи ветвие и листвие“. *Еже и бысть. На утрие же воставше людие их и видеvше древца тыя, на них же котлы висяху, великое древие возрасте, имуще ветвие и листвие. И дивляхуся, како во единой ноци древие велико возрасте, имущи ветвие и листвие.*

[Сия же видеv князь Петр, возвеселися душею и дивляшеся, како сухое древие усырися. Предстоящии же людие удивихася преславному сему чудеси.]

И яко же хотяху их людие рухло вметати в суды со берега, придоша же велможи от града Мурома, ркуще со слезами: „Господи княже, от всех велмож и от всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сырых, но возвратися на свое отечество. Мнози бо велможи во граде погибоша от меча. Книждо их хотя державъст. . . . ми ся изгубиша. А оставши. . . со всем народом молят тя глаголяще: «Господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотящи, да княгини Феврония господствует женами нашими, и ныне со всеми дома своими раби ваю есмы. И хощем и любим и молим, да **не оставите нас раб своих**»“.